

Е. Г. Власова

Власова Елена Георгиевна (Пермь, Россия) — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Пермского государственного национального исследовательского университета;
Email: elena_vlasova@list.ru

МАРШРУТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРОСТРАНСТВА В УРАЛЬСКОМ ТРАВЕЛОГЕ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XX В.

Представленный в статье анализ основных этапов становления образа Урала в уральском травелоге конца XVIII – начала XX в. позволяет заострить внимание исследователей, занимающихся проблемами конструирования образа территории, на вопросах жанрово-стилевой и структурной специфики текстов, участвующих в производстве локальных смыслов. В нашем случае важнейшим фактором формирования образа Урала послужила особая жанровая миссия травелога, призванного выстраивать семантико-синтаксические связи пространства. Картирование маршрутов наиболее заметных уральских травелогов наглядно показало соотношение дорожной структуры путешествия с представленным в его описании образом пространства.

Ключевые слова: травелог, образ урала, маршрут путешествия, уральский травелог конца XVIII - начала XX в.

E.G. Vlasova

Elena Vlasova (Perm, Russia) — PhD in Philological Sciences, Associate Professor at Perm State National Research University, Department of Journalism; Email: elena_vlasova@list.ru

TRAVEL ITINERARIES AND THE PECULIARITIES OF SPACE IMAGE FORMATION IN THE URALS TRAVELOGUE OF THE LATE XVIIIth - THE EARLY XXth CENTURY

The represented analysis of the Urals image formation in the Urals travelogue of the late XVIIIth – the early XXth allows the researches dealing with the problems of a territory image construction to focus on the questions of the genre, stylistic and structural particularity of the texts involved in the creation of local senses. In our case, the most important factor of the Urals image formation is a special genre mission of the travelogue designed to build the semantic and syntactic connections of the area. Mapping of the most famous Urals travelogues shows the relation between the road structure of a journey and the image of the area given in the description.

Keywords: travelogue, image of the Urals, travel itinerary, Urals travelogue of the late XVIIIth

– the early XXth century

В силу экспансивного характера формирования восточных территорий российской империи, путешествия играли важнейшую роль в их дискурсивном освоении. Историография Урала как колонизованной территории в основе своей опирается на отчеты о путешествиях — торговых, дипломатических, научных, деловых, литературных. Этот факт пермской регионалистики вполне отражен современными исследователями. Не случайно, одной из самых цитируемых книг постсоветского краеведения остается сборник путевых очерков и заметок XIX века, который получил название «В Парме» [3].

Травелоги являются важнейшей частью общего процесса формирования уральского дискурса русской культуры, отражая и направляя его развитие. При этом главной конструирующей особенностью травелога становится его способность связывать пространство. Особый связующий статус травелога в дискурсивном пространстве локального текста зафиксировали авторы монографии «Русская культура в зеркале путешествий» Е. Г. Милюгина и М. В. Строганов: «Текст путешествия можно представить в качестве цепочки локальных текстов, но гораздо важнее, что путешествие фиксирует системно-синтаксические связи между этими локальными текстами» [11, с. 31].

Попробуем проследить, как выстраивается основное направление семантико-синтаксических связей уральского пространства под воздействием конструирующей воли жанра. Главной осью, собирающей пространство путешествия, совершенно закономерно становится маршрут поездки. Маршрут, выстроенный в соответствии с целью путешествия, представляет собой направленное движение, основными пространственными составляющими которого являются точки остановок и пути между ними. Образ пространства, созданного в травелогe, самым непосредственным образом зависит от направления движения и фокусных точек маршрута.

В связи с этим конструирующим качеством путешествия можно выделить несколько типов уральского травелога, которые сформировались в разные историко-культурные периоды и определили важные параметры складывающегося образа уральского пространства.

Первое целостное описание Урала как самостоятельного региона российского государства связано с отчетами о научных экспедициях, предпринятых российской Академией наук в конце 60 – начале 70-х годов XVIII века. Главной целью этих экспедиций послужила фронтальная инвентаризация горного промысла на Урале, однако, помимо этого академики достаточно подробно описали особенности местной географии, природных условий, истории и этнографии. Тем самым экспедиционные отчеты оказались первым целостным описанием уральских гор как самобытного российского пространства. Для нашего исследования чрезвычайно важным оказывается тот факт, что большинство отчетов написано в жанре путевого дневника (И. И. Лепехин, П.-С. Паллас и Н. П. Рычков), а, следовательно, они представляют собой первые русские травелоги, посвященные путешествию на Урал.

Маршруты ученых путешествий выстраивались в соответствии с исследовательскими задачами: они по несколько раз перерезали Уральский хребет, прокладывались по бездорожью, охватывая всю территорию Урала. Сам характер передвижения задавал широкую геометрию пространства. Разнонаправленное движение снимало вертикаль центра и окраины, в которой находился Урал по отношению ко всем предыдущим своим интерпретаторам¹. По-

¹ Принято вести отсчет уральских травелогов с поэмы «Аримаспея», написанной в 7 в до н.э. греческим путешественником Аристеом, который оказался на Урале в поисках страны гипербореев. В поэме рассказывается о таинственных племенах одноглазых аримаспов, враждующих со своими соседями: на юге они воевали с исседонами,

сколько главная цель экспедиций предполагала тщательное описание горного промысла на Урале, основными фокусными точками маршрута становились рудники и горные заводы. Все остальное пространство располагалось между ними и было так или иначе подчинено движению к ним. Маршрут путешествия естественным образом связывал пространство семиотическими скрепами, которые подчеркивали горный характер ландшафта и уклада жизни.

Научные путешествия, связанные с изучением горного дела и построенные на нелинейном типе маршрута, оставались немаловажной частью уральского дискурса русской культуры на протяжении всего XIX века – достаточно назвать путешествия А. Гумбольта (1829), Р. Мурчисона (1841), Э. К. Гофмана (1828-1829, 1847-1850), Д. И. Менделеева (1899), каждое из которых оказало серьезное влияние на общенаучные представления об Урале. И все же этот тип путешествия оставался на периферии уральского дискурса, ядро которого определялось писательскими и журналистскими путешествиями в Сибирь. В силу своей эмоционально-образной природы и журнального распространения, эти травелоги оказали гораздо более существенное влияние на формирование общего представления об Урале, нежели специализированные научные отчеты. Преобладающим значением образа Урала, сформированного в «писательском» очерке XIX века, становится транзитный характер уральского пространства. Ф. Ф. Вигель (1806²), А. И. Герцен (1835), П. И. Небольсин (1846), П. А. Кропоткин (1862), К. М. Станюкович (1885), И. С. Левитов (1882), Н. Д. Телешов (1891) и многие другие описывают Урал как один из этапов своего вынужденного или добровольного путешествия в Сибирь. В этой влиятельной группе травелогов закрепляется образ Урала как преддверия Сибири, основной характеристикой которого является его пограничность — между Европой и Азией, центром и периферией, цивилизацией и «диким полем», свободой и каторгой, а в целом – между своим и чужим пространством.

Автором наиболее суггестивного образа Урала как преддверия Сибири справедливо считается А. И. Герцен. В его воспоминаниях о дороге в ссылку пермская часть пути отзывается холодом и звоном кандалов: «Пермь меня ужаснула, это преддверие Сибири так мрачно и угрюмо... Говоря о Перми, я вспомнил следующий случай на дороге: где-то проезжая в Пермск<ой> губ<ернии>, ночь я почти не спал, ибо дорога была дурна; на рассвете я уснул крепким сном, вдруг множество голосов и сильные звуки железа меня разбудили. Проснувшись, увидел я толпы скованных на телегах и пешком отправляющихся в Сибирь; эти ужасные лица, этот ужасный звук, и резкое освещение рассвета, и холодный утренний ветер — все это наполнило таким холодом и ужасом мою душу, что я с трепетом отвернулся — вот эти-то минуты остаются в памяти на всю жизнь» [6, с. 32].

на севере — с грифонами, охранявшими золото Гиперборейских гор. Поэма послужила основным источником сведений об Урале для последующих античных авторов, в том числе для «Истории Геродота». Затем сформировался значительный корпус арабских травелогов, связанных с описанием торговых, военных и дипломатических путешествий на Урал. В средние века Урал оказывается на пути торговых (Марко Поло), дипломатических и научных поездок западноевропейских путешественников, подхвативших античную и арабскую традиции описаний Урала. В основном эта традиция трактовала Урал как рубеж реальной географии и потустороннего пространства. Наиболее зримо это качество Рифейских, как их называли, гор запечатлелось в образах странных существ, их населяющих — грифонов, стерегущих несметные сокровища («Аримаспея»); яджуджей и маджуджей — четырехглазых существ покрытых шерстью (арабские источники), самоедов — самих себя едящих (С. Герберштейн). Европейско-арабские путешествия были подчинены маршруту, цель которого была не определена: она терялась за пределами известного путешественникам мира. Урал оказывался пространством не просто экзотическим, но онтологически предельным. Такое прочтение уральского пространства сохранялось вплоть до активной фазы русской колонизации края, развернувшейся в период петровских реформ.

2 В скобках указан год путешествия на Урал

LOCUS IMAGINEM

Евразийская пограничность уральского пространства чаще всего интерпретировалась как столкновение цивилизации и неосвоенных, диких земель. Однозначнее других высказался по этому поводу К. М. Станюкович. Поездка писателя пришлось на время тяжелой экономической депрессии горнозаводской промышленности, что не могло не сказаться на восприятии уральского пространства в целом. Симптоматично при этом, что экономический кризис встраивается Станюковичем с общую картину азиатского влияния: «Из окон вагонов мы видели далекую синеву Уральских гор, перед нами мелькали знаменитые когда-то заводы... и незаметно перевалили хребет, очутившись географически в Азии. Я говорю «географически», потому что близость Азии и азиатских нравов начала сказываться гораздо раньше географической границы» [13].

В любом случае, даже в менее критичных по отношению к общекультурному фону уральского пространства травелогах, переезд через Уральские горы воспринимается как пересечение границы своего и чужого пространства, рубежа, где приходится прощаться с домом. «Тут, на высшей точке главной цепи, в нескольких шагах от дороги, стоит окруженный чугунной решеткой сероватый мраморный столб. На одной стороне его вырезано «Европа», на другом «Азия». Я оглянулся в последний раз: сзади виднелись крупные холмы, спутники главной цепи, белые колокольни на горизонте; впереди пологие спуски восточного склона, кругом невообразимые леса...», — напишет двадцатилетний Петр Алексеевич Кропоткин во время своего путешествия к месту службы в Амурский казачий полк [7].

Маршруты сибирских путешествий акцентируют внимание на транзитных локусах пространства: станционные гостиницы, пристани, вокзалы становятся доминантами уральского ландшафта. Однако главным структурным компонентом дорожной карты уральского транзита, безусловно, служит Сибирский тракт. Именно в этот период складывается драматический образ Сибирского тракта как кандалного пути. Одно из самых экспрессивных описаний, передающих напряженное звучание темы каторги, предстает в пейзажной зарисовке Немировича-Данченко, который в задумчивости остановился у пограничного столба Европа-Азия, установленного на самой высокой точке Уральского хребта в месте его пересечения Сибирским трактом: «Страшное место! Сколько слез пролито здесь! Несчастные в кандалах в последний раз оглядывались здесь назад, на свою навеки-вечные покидаемую родину! Далекый, неприятный, чужой и холодный край начинается отсюда! Новая жизнь, новые люди, новые страдания! Воображаю, какие мысли целым роем носились в голове бедного ссыльного, когда он приваливался на краткий отдых к этой пограничной колонне. Может быть, на каждый камень ее подножия падали горячие слезы... Не оттого ли и лес замолчал и нахмурился, что слишком много слышал он здесь рыданий?» [12].

Среди уральских городов в транзитных путешествиях XIX века на первый план выходит Пермь: по мнению большинства путешественников в ней концентрируются основные негативные значения Урала как неустойчивого, неопределенного, пограничного пространства, — окраины цивилизованного мира.

«Я уехал осматривать город. По внешнему виду он уже отличался от городов Европейской России: улицы в нем не мощены, грязи по колена, на всем унылый вид, наводящий какую-то щемящую грусть. Вместо мостовых проложены доски, по которым гуляют кое-где пермские жители. У вокзала, близ Курбатовской пристани, расположились переселенцы со своими котомками...» (И. С. Левитов) [8]. «Вообще Пермь, после шумного Нижнего, после оживленной Казани, показалась мне очень скучным городом...Затишье!.. и это затишье нарушается подчас только звоном цепей» (П. А. Кропоткин) [7, с.105].

Эмоциональное и семантическое наполнение образа Урала начинает меняться в конце 1870 - начале 80-х годов, — благодаря ярким и динамичным очеркам В. И. Немировича-Данченко и творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка. Очерки Немировича-Данченко «Кама и Урал», написанные по результатам почти трехмесячной поездки по Уралу в 1876 году, не смотря на внеположенность автора предмету описания, смогли преодолеть инерцию центростремительной аксиологии. Во многом это было связано с особенностями маршрута, проложенного писателем для знакомства с Уралом. Ломаная линия, с возвратным движением, включающая практически все возможные на тот момент способы передвижения по уральскому пространству - от сплава на шестах до железной дороги, — проявила и предопределила особый взгляд Немировича-Данченко на уральское пространство. В. В. Абашев, характеризуя оптику этого взгляда, отмечает: «Немирович исследует и стремится понять Урал. Он опускается в рудники, следит за горнодобычей и металлургическими процессами и вникает в их технологию, поднимается пешком в верховья таежных речек, выслушивает рассказы коренных уральцев: ямщиков, старателей, металлургов, управляющих заводами, инженеров, углежогов, староверов, странников. Он претендует на то, чтобы описать подлинный, настоящий Урал, Урал в его действительности» [1, с. 193].

Путешествие Немировича-Данченко выстроило образно-семантический код уральского ландшафта [Подробнее см.: 1], что стало возможным благодаря пристальному наблюдению и сложновыстроенному маршруту, связавшему важнейшие силовые линии уральского пространства.

Перекодирование сложившегося в травелогах XIX века транзитного образа Урала было завершено в творчестве Мамина-Сибиряка. Не останавливаясь на этом процессе специально, подчеркнем лишь, что первые шаги к созданию самостоятельного образа уральского пространства были сделаны писателем именно в жанре путевых очерков. Первые крупные публикации Мамина-Сибиряка — путевые очерки «От Урала до Москвы» (1881-1882), «В камнях» (1882), «Бойцы» (1883), и позднее — «Старая Пермь» (1889), диаметрально меняют оптику описания уральского пространства. Синтаксические связи уральского ландшафта выстраиваются писателем по встречной для внешних травелогов траектории, где Урал находится в конце пути и выполняет роль онтологической окраины.

Опорной осью уральского пространства писатель делает реку Чусовую, символически связавшую важнейшие природные и антропогенные доминанты Урала. В уральской геоэтике Мамина-Сибиряка сплав железных караванов по Чусовой предстает не просто способом сообщения, а способом жизни, аутентичным уральскому пространству и сложившемуся здесь миропорядку.

Описание сплава на железном караване, предпринятого писателем с целью детального знакомства с ним, ознаменовало этап внутренней идентификации уральского пространства. Движение было направлено не просто с востока на запад, но и сверху вниз: путешественник спускался с вершины — географической и духовной. Дом, оставшийся вверху, на горе, служил точкой отсчета, что в ситуации традиционной для России центростремительности означало диаметральный разворот пространства. Подобное переворачивание географии было проделано Маминым-Сибиряком не только в очерках «Бойцы» и «В камнях», но и в цикле «железнодорожных» очерков «От Урала до Москвы». На подъезде к столице писатель уносится «мыслью назад»: «...и кажется, что вот уже скоро неделя, как все едешь куда-то под гору, в яму» [9]. Уральские горы и Чусовая становятся географическим и онтологическим центром созданного писателем пространства путешествия.

LOCUS IMAGINEM

Не смотря на то, что сплав железных караванов самым непосредственным образом связан с деятельностью горных заводов, фокусными точками сплавного маршрута помимо заводских пристаней оказываются лесные берега, где обычно устраивался отдых — хватка. Описание сплава акцентировало теллурическую составляющую уральской геопоэтики, динамично объединив природные и антропогенные маркеры этой темы — горный рельеф; река, обнажающая прибрежные скалы; толщи древнего пермского моря; опасные пещеры; рудники и горные заводы.

Кроме того, сплав по Чусовой у Мамина-Сибиряка — это путешествие по главным вехам уральской истории. Вот как описывает Мамин-Сибиряк скалистые берега Чусовой: «Глядя на эти толщи насланых друг на друга известняков, сланцев и песчаников, исчерченных белыми прожилками доломита, так и кажется, что пред вашими глазами разворачивается лист за листом история тех тысячелетий и миллионов лет, которые бесконечной грядой пронесли над Уралом» («Бойцы») [10].

Жизнь на Чусовой сплвила вместе вогульские и староверческие предания, искусство горного и сплавного дела, легенды о Ермаке, мечты о пугачевском кладе и веру в уральского Робин Гуда — разбойника Рассказова, — создав особый уральский характер, характер человека, живущего «в камнях». Оформление образа уральца в творчестве Мамина-Сибиряка, в том числе и в путевых очерках 80-х гг., завершило становление целостного представления об Урале как самобытном ландшафте (см. подробнее в ст. Е. Г. Власовой «Сплав по реке в структуре дорожных дискурсов уральского травелога конца XVIII –XIX в.») [5].

На рубеже XIX - XX вв. начинается новый этап развития уральского дискурса, связанный с формированием собственного литературного поля и, как следствие, утверждением собственной литературной повестки. «Эти локальные культурные силы смотрели на регион, в котором они появились, словно изнутри, предоставляя читателю в своих текстах опыт само-описания территории, т. е. такого ее освещения, которое велось с точки зрения укорененного в ней человека, а не «завоевателя» или «покровителя», — так описывают особенности литературной жизни Урала этого времени К. В. Анисимов и Е. К. Созина [2]. Важнейшим сегментом молодой уральской литературы, обратившейся к опыту самоописания, становится путевая очеркистика, стабильно занимающая страницы местной периодики. Оценивая размах путевых публикаций в региональной и российской прессе тех лет, один из ведущих пермских критиков предлагает выделить целое направление «дорожной» литературы [14]. Большая часть местной «дорожной» литературы представляла собой т.н. внутренние травелоги, т.е. отчеты о поездках по Пермскому краю. Маршруты внутренних травелогов выстраиваются по веерной траектории, охватывая все существующие транспортные магистрали Пермской губернии. При этом важно, что отправной и конечной точками маршрута становятся внутренние уральские локусы, что, безусловно, создает новую парадигму пространственных отношений. На первый план выходят задачи осознания собственной идентичности. Пространство путешествия и дом размещаются в общем образно-семантическом поле. Важнее оппозиции Урал-столица оказываются отношения уральских центров — Перми и Екатеринбурга: в их соперничестве складывается один из основных сюжетов уральского пространства. Происходит разделение уральской идентичности на пермский и екатеринбургский варианты. Пермское пространство, маршруты путешествия в котором чаще всего определяются локусами, связанными с историей коренного населения Урала (коми-пермяцкие деревни, городища и капища), а также событиями русской колонизацией (поселения раскольников, соляные промыслы), тяготеет к образности древней земли; екатеринбургское, где доминантами пространства остаются рудники,

золотые прииски и заводы, — совпадает с горнозаводской семантикой Урала.

Своеобразным завершением целостного цикла формирования уральского травелога XVIII-начала XX вв. оказываются путевые очерки, представляющие тип туристического путешествия. Показательным в этой связи становится очерк «На Чусовой: Впечатления туриста», опубликованный в Пермских губернских ведомостях за 1909 год и посвященный рассказу о сплаве на железном караване, который был предпринят с туристической целью.

«Если бы река Чусовая находилась где-либо за границей, или хотя бы около наших столичных центров, то, несомненно, нашлись бы такие предприимчивые люди, которые организовали бы по ней весенние сплавные рейсы для любознательных путников, любителей природы и сильных ощущений и вообще туристов, и несомненно также, что подобные весенние поездки по этой редкой по красоте и исключительной своими особенностями реке привлекали бы массу путешественников, как их ежегодно привлекает какая-нибудь сравнительно жалкая Иматра, или известный Рейнский водопад (Райнфаль) в северной Швейцарии, близ города Шафгаузена», — так описывает туристическую привлекательность Чусовой автор этого экстремального путешествия [4]. В соответствии с задачами туристического травелога и собственным опытом, автор дает рекомендации будущим путешественникам: «Если, однако, кто вздумает совершить весеннее путешествие по Чусовой во время половодья, тот не должен останавливаться над разрешением вопроса — на чем ехать или плыть. Вопрос этот разрешается очень просто — стоит лишь предварительно, письменно, по телефону или устно обратиться в то из заводоуправлений, что сплавляет обычно весной караван свой с железом по Чусовой, или же прямо снести с доверенным завода, проживающим обычно в Перми или Екатеринбургe, и испросить разрешение занять место в одной из кают той баржи или коломенки, что предназначена для караванного, т.е. старшего приказчика, сопровождающего караван. Отказов в таких случаях никогда не бывает и заводоуправления весьма охотно предоставляют и, конечно, бесплатно места в каютах судна приказчика, причем могут письменно, по телеграфу или по телефону известить путника о дне и часе отхода каравана, к которому надо, конечно, прибыть заблаговременно, запасшись собственным количеством съестных припасов, спальными принадлежностями и теплой одеждой. Каюта эта не будет иметь, конечно, тех удобств, что на пароходе, хотя там найдется и большое окно, и кровать и проч.» [4].

Тем самым, внутренний маршрут уральского ландшафта, введенный в русскую литературу Маминым-Сибиряком, становится туристическим предложением, отражая формирование самодостаточного геокультурного статуса уральского пространства.

Рассмотренная типология путевых маршрутов, лежащих в основе уральских травелогов конца XVIII — начала XX в., выстраивает основные этапы становления уральского ландшафта русской культуры в его развитии от негативной идентификации к образу самобытного и семиотически насыщенного пространства. Представленный анализ позволяет заострить внимание исследователей, занимающихся проблемами конструирования образа территории, на вопросах жанрово-стилевой и структурной специфики текстов, участвующих в производстве локальных смыслов. В нашем случае важнейшим фактором формирования образа Урала послужила особая жанровая миссия травелога, призванного выстраивать семантико-синтаксические связи пространства путешествия. Картирование маршрутов наиболее заметных уральских травелогов конца XVIII — начала XX в. наглядно показало соотношение дорожной структуры путешествия с представленным в его описании образом пространства.

Библиография

1. Абашев В. В. К истории геопоэтики Урала: очерки Вас. Ив. Немировича-Данченко // Литература Урала: история и современность: сб. ст. — Выпуск 5: Национальные образы мира в региональной проекции / Ин-т истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. — С. 192 – 200.
2. Анисимов К. В., Созина Е. К. История литературы Урала в контексте региональных исследований / К. В. Анисимов, Е. К. Созина // Известия Уральского государственного университета. — Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2011. — № 1 (87). — С. 272 – 284.
3. В Парме: путевые очерки рус. писателей о Перми и Прикамье / сост. Н. Ф. Аверина. — Пермь: Кн. изд-во, 1988. — XXIX, 33-398, [5] с.
4. В. М. По реке Чусовой (Впечатления туриста) // Пермские губернские ведомости. — 1909. — 22 апр. — С. 1 – 2.
5. Власова Е. Г. Сплыв по реке в структуре дорожных дискурсов уральского травелога конца XVIII-XIX веков // Труды «Русской антропологической школы». — Вып. 13. — М.: РГГУ, 2013. — С. 101 – 111.
6. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. — М., 1961. Т. 21: Письма 1832-1838 гг.
7. Кропоткин П. А. Дневники // По Каме и Уралу: путевые записки XIX - начала XX вв. / сост. и примеч. Д. А. Красноперова; вступит. статья Е. Г. Власовой; ред. Т. И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева). — Пермь, 2011. — 106 с.
8. Левитов И. С. От Москвы до Томска // По Каме и Уралу: путевые записки XIX - начала XX вв. / сост. и примеч. Д. А. Красноперова; вступит. статья Е. Г. Власовой; ред. Т. И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева). — Пермь, 2011. — 124 с.
9. Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Собрание сочинений в восьми томах. — Т. 8. — М.: Гос. изд-во Худ. лит., 1955. — 400 с.
10. Мамин-Сибиряк Д. Н. Бойцы: Очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Мамин-Сибиряк Д. Н. Повести; Рассказы, Очерки. — М.: Моск. рабочий, 1983. — 534 с.
11. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. — 176 с.
12. Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. — М., 1890. — 560 с.
13. Станюкович К. М. В далекие края // Станюкович К. М. Полн. собр. соч. — Т. 5. — СПб., 1907. — С. 446 – 447.
14. Черномор. «Дорожная» литература // Пермские губернские ведомости. — 2014. — 4 июля.

References

1. Abashev V. V. K istorii geopoetiki Urala: ocherki Vas. Iv. Nemirovicha-Danchenko // Literatura Urala: istoriia i sovremennost': sb. st. — Vypusk 5: Natsional'nye obrazy mira v regional'noi proektsii / In-t istorii i arkheologii UrO RAN. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2010. — S. 192 – 200.
2. Anisimov K. V., Sozina E. K. Istoriia literatury Urala v kontekste regional'nykh issledovaniy / K. V. Anisimov, E. K. Sozina // Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. — Ser. 2, Gumanitarnye nauki. — 2011. — № 1 (87). — S. 272 – 284.
3. V Parme: putevye ocherki rus. pisatelei o Permi i Prikam'e / sost. N. F. Averina. — Perm': Kn. izd-vo, 1988. — XXIX, 33-398, [5] s.
4. V. M. Po reke Chusovoi (Vpechatleniia turista) // Permskie gubernskie vedomosti. — 1909. — 22 Apr. — S. 1 – 2.
5. Vlasova E. G. Splav po reke v strukture dorozhnykh diskursov ural'skogo traveloga kontsa XVIII- XIX vekov // Trudy "Russkoi antropologicheskoi shkoly". — Vyp. 13. — M.: RGGU, 2013. — S. 101 – 111.
6. Gertsen A. I. Sobr. soch.: V 30 t. — M., 1961. T. 21: Pis'ma 1832-1838 gg.
7. Kropotkin P. A. Dnevniky // Po Kame i Uralu: putevye zapiski XIX - nachala XX vv. / sost. i primech. D.

- A. Krasnoperova; vstupit. stat'ia E. G. Vlasovoi; red. T. I. Bystrykh; Tsent. gorodskaiia b-ka im. A. S. Pushkina (Dom Smyshliaeva). — Perm', 2011. — 106 s.
8. Levitov I. S. Ot Moskvy do Tomska // Po Kame i Uralu: putevye zapiski XIX - nachala XX vv. / sost. i primech. D. A. Krasnoperova; vstupit. stat'ia E. G. Vlasovoi; red. T. I. Bystrykh; Tsent. gorodskaiia b-ka im. A. S. Pushkina (Dom Smyshliaeva). — Perm', 2011. — 124 s.
9. Mamin-Sibiriak D. N. Ot Urala do Moskvy: Putevye zametki // Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh. — T. 8. — M.: Gos. izd-vo Khud. lit., 1955. — 400 s.
10. Mamin-Sibiriak D. N. Boitsy: Ocherki vesennego splava po reke Chusovoi // Mamin-Sibiriak D. N. Povesti; Rasskazy, Ocherki. — M.: Mosk. rabochii, 1983. — 534 s.
11. Miliugina E. G., Stroganov M. V. Russkaia kul'tura v zerkale puteshestvii: monografiia. — Tver': Tver. gos. un-t, 2013. — 176 s.
12. Nemirovich-Danchenko V. I. Kama i Ural. — M., 1890. — 560 s.
13. Staniukovich K. M. V dalekie kraia // Staniukovich K. M. Poln. sobr. soch. — T. 5. — SPb., 1907. — S. 446 – 447.
14. Chernomor. "Dorozhnaia" literatura // Permskie gubernskie vedomosti. — 2014. — 4 July.